

УДК 94(47).08

Д. А. Сафонов

Под покровом социального протеста: насилие и беззаконие «внутри» классовой борьбы в России второй половины XIX — начала XX века

В статье предпринята попытка объяснить нарастание в рамках социальных конфликтов насилия и беззакония, наблюдаемых в России со второй половины XIX века. Автор высказывает мнение, что под воздействием минимум трех факторов в российском обществе не только произошли серьезные моральные деформации, но и сформировалась определенная прослойка людей с иными ценностями и моральными установками, сыгравшая исключительную роль в воследовавших революции и гражданской войне. Кардинально изменившиеся после революции условия бытия, распад прежнего государства и его институтов создали условия для распространения идей насилия как единственно верного пути развития.

Ключевые слова: социальный протест, революция, насилие, преступность, мораль, деформация традиционных ценностей.

Одной из традиций советской историографии было выстраивание логических цепочек из фактов, однозначно доказывающих постоянный рост сознательности масс, их революционизирование, нарастание и углубление социального протеста. Для этой цели использовались практически любые факты, которые можно было бы посчитать проявлением социального протеста, кроме, вероятно, самых очевидно уголовных. Хотя и в этих случаях не обходились без исключений — например, если речь шла об убийстве помещика или стражника. Использовался практически каждый подходящий факт — чем больше, тем лучше; на протяжении десятилетий поиск их в источниках был возведен едва ли не в абсолют. Качество любой работы по социальному конфликту (классовой борьбе) любого периода и группы населения оценивалось исключительно с точки зрения привлечения новых источников и, соответственно, указания новых фактов. В итоге фактологическая база была выстроена и надежно укреплена; собранные факты приобрели завершенность и убедительность, четкую фиксацию в научных трудах и прежде всего хрониках. После этого они под сомнение не ставились; упоминание про порубку крестьянами леса, например отмеченное в «Хронике крестьянского движения», безвариантно входило в базу социального протеста крестьян. Каждое следующее поколение исследователей получало все более гарантированную базу данных, на основе которой строились наблюдения и выводы, аналитические суждения и статистические расчеты. С 1960-х годов начались споры о формах крестьянского протеста (Б. Г. Литвак, А. Малявский, Л. Горюшкин и др.), их количестве и содержании. В итоге единый список форм крестьянского протеста так и не возник, но основной массив форм фактически был создан: например, погромы, потравы, порубки, покосы в разных вариациях, но присутствовали во всех предлагаемых историками вариантах.

И если в перестройку у некоторых авторов зазвучали сомнения относительно того, все ли рассматриваемые формы в равной степени являются свидетельством именно нарастания крестьянской сознательности [28], то дальнейшего развития вопрос не получил, в том числе и по причине общего охлаждения интереса к проблемам классовой борьбы.

Определенный возврат к проблеме развития общественного сознания наблюдался на рубеже XX—XXI вв. В работах нового поколения достаточно неожиданно, хотя ожидаемо, стала появляться переключка с прежними позициями, несмотря на, казалось бы, кардинальное изменение идеологического фона. В итоге авторы сегодня обращаются к про-

© Сафонов Д. А., 2016

блемам социальной активности на региональном уровне, исходя из прежних критериев и форм крестьянского протеста. Так, Н. М. Алехина (1997) определяет поджоги как «наиболее традиционную форму» проявления социального протеста крестьянства, «как специфический способ борьбы за утверждение «коммунистической» (в смысле общинной) справедливости» [3]. Д. В. Вишнякова (2011) полагает социальным протестом «несогласие крестьянского общества с проводимой в отношении него государственной политикой и конкретными мероприятиями власти», относя к проявлениям такового «постоянное посягательство на собственность» в форме браконьерства, вредительства, отрав и порубок [6, с. 42]. Она же к «проявлениям неповиновения и противодействия представителям власти» относит отказ от выполнения и игнорирование конкретных предписаний, отказ от присяги, личные оскорбления, выказывание неуважительного отношения, развязывание драк, смело полагая это «борьбой за “мужицкую” справедливость» [6, с. 42]. Е. А. Вересова (2015) к формам сопротивления власти относит «оскорбления должностных лиц» [4], а также поджоги в имениях помещиков, в казенных, удельных лесах [5, с. 84], оговариваясь, что таковые «можно рассматривать не только как преступления, но и как форму выражения крестьянами недовольства действиями землевладельцев, в том числе мести, а также извлечение возможной выгоды от пожаров» [5, с. 84]. Е. Воробьев, Р. Яценко (2016) прямо указывают, что рассматривают поджоги как форму борьбы, поскольку «составители сборника документов “Крестьянское движение в России в 1901—1904 гг.” учитывали поджоги в хронике». Они совершенно справедливо заключают, что «трудно выявить истинные мотивы совершения таких действий, а следовательно, неясно, какие из них носят характер социальной борьбы, а какие предпринимались в личных целях». И тем не менее авторы более видят сложности в подсчете поджогов и определении количества задействованных там крестьян, нежели в отделении протеста от уголовного преступления, ограничившись признанием поджогов проявлением «негативных черт крестьянского движения»: «Но ожесточение части крестьян достигло такого уровня, что их не останавливала мысль о приносимом огнем ущербе» [7, с. 178].

То, что молодые ученые в немалой степени сегодня продолжают работать по несколько устаревшим шаблонам, есть в немалой степени результат воздействия того мощного историографического фона, который последовательно и методично создавался на протяжении десятилетий и от установок которого разом отказаться сложно. Сомнения, звучащие у указанных выше авторов, относительно возможной уголовной составляющей упомянутых деяний уже есть шаг вперед. В то же время невозможно утверждать с абсолютной уверенностью, что все эти деяния, которые более всего похожи на уголовные, были в реальности таковыми; иными словами, вероятность того, что были и подлинно социальные конфликты, также имеется.

Впрочем, историографическая ситуация лишь отражает взгляд историков на проблему, между тем проблема явно шире — уголовное, преступное начало реально присутствовало и нередко тесно переплеталось с деятельностью революционной. Вопрос: как и почему это происходило? На наш взгляд, можно говорить о нескольких направлениях.

Первое — это изменение отношения к насилию со стороны российского общества, постепенное превращение уголовных деяний в благородные, при условии объявления их таковыми, согласно принципам «окон Овертона». Российское общество медленно, но верно дрейфовало от неприятия насилия к героизации его и готовности оправдать таковое, пока при определенных условиях. Происходило это далеко не сразу — уместно вспомнить долгие терзания будущих декабристов именно из-за проблемы лишения царя жизни. Во второй половине XIX в. с подачи народников и сочувствующих им сил в обще-

стве убийство по-прежнему — грех, но не в том случае, если это содеяно во имя народа и революции.

Новацией начала XX века можно полагать некую моду на «революцию», распространившуюся, впрочем, прежде всего среди интеллигенции, городских образованных слоев. Трудящихся и тем более крестьян она вряд ли затронула, а если и затронула, то опосредованно, через революционную агитацию представителей этих просвещенных слоев в рабочей и крестьянской среде. Вопрос о том, какие идеи, в какой форме агитаторы преподносили массам, — вопрос особый. Судя по множеству мемуарных свидетельств, агитация велась крайне упрощенно и доходчиво. Что, в общем, не удивительно, поскольку теоретически подкованных марксистов в России практически не было, а «марксистов» как толкователей права трудящихся «стать всем» — масса. Упрощенное видение революции и неизбежного светлого будущего сочеталось с проповедью новых моральных установок.

Каким образом эти упрощенные идеи подавались агитируемым, естественно, можно лишь догадываться. Но на наш взгляд, определенным ответом может быть обращение внимания на последствия случаев агитации. Возьмем только два примера. Так, крестьянин с. Спасского Оренбургской губернии И. Филатов позднее (в 1926 г.) писал в мемуарах, что в начале декабря 1905 г. в село приехали два студента-революционера, «дали мне революционную книжку под названием “Пауки и мухи” изд. “Донецкая речь”, по прочтении этой книжки я понял, как хитро царь и помещики обманывали народ и что держат народ в темноте для того, чтобы легче было нас, крестьян и рабочих, обманывать, и с этого времени я стал революционером» [31, л. 33]. Далее мемуарист перечислял, что же он сделал «в революционном движении» (логика подсказывает, что он делал то, что ему рекомендовали делать как «революционеру» приезжие агитаторы): организация схода крестьян, где выступили студенты, раздача революционной литературы крестьянам, ее чтение «в секретных собраниях», расклейка ночью прокламаций, поездки в Оренбург за революционной литературой, выступления на митингах, участие в манифестациях с пением революционных песен по улицам села Спасского, «участвовал в заговоре и убийстве двух полицейских стражников 26 декабря ст. ст. 1907 г. в селе Спасском» [31, л. 35].

Иное свидетельство — Георгия Африна: «...в 1904 году я поступил в партию эс.-деков, но, пробывши месяц, я почему-то с идеей эс.-деков был несогласен и участвовал 2 раза в анархии в Мелитополе и 2 раза в Екатеринославе; но тут меня толкнула сама жизнь к другой идее; женившись в 1905 году, находился у меня партийный печатный станок для печатования прокламаций против монархизма; но по истечении месяца, два моих товарища были посланы в село Куракуй для рассеивания прокламаций, но там же они были пойманы и пока урядник довел с городскими, их убили. Тут у меня явилось озлобление и увеличилось и я стал террористом, что и в тот же месяц я убил урядника Звежинцева и двух городских. По выполнению сего по жребию партии я обязан был убить полицмейстера Зеленого города Одессы, я и это исполнил, также в городе Гениченске убил двух околоточных надзирателей и по приезде домой меня выдала жена...» (орфография подлинника) [2, л. 261].

Обращает на себя внимание достаточно скорый переход к крайней мере — убийству. При этом о каком-либо если даже не раскаянии, то хотя бы сожалении нет и речи. И. Филатов писал: «Участвовал в заговоре и убийстве... но так как был переодетый, то из посторонней публики меня не узнали, а свои товарищи не выдали, ибо дисциплина у нас была строгая. Хотя по подозрению был привлечен к следствию и арестован, но за недоказательством улик был скоро освобожден, ибо после убийства я не пошел домой, а зашел к односельцу Ивану Мутину и туда же пришел одногоселец Емельян Николаев,

последний своим показанием, что мол с вчера и до 2-х час. ночи были вместе в доме Мутина, — меня оправдали» (орфография подлинника) [31, л. 35].

Еще более выразителен Г. Африн: «Я пробирался до ст. Алчевская 5 суток и, клянусь именем коммуниста, что за 5 суток я не видел и золотника хлеба, голодавши, я добрался в 11 часов ночи к сестре, но долго пришлось звонить в звонок, но вышла прислуга, увидя меня в арестантской одежде, прислуга заявила, “что она доложит барыне”. Дожидавшись более полчаса, я дождался, пока барыня сошла и спросила, кто я таков. На что и мною было отвечено, что я ее брат, но впустить она не хотела, ибо она мой голос не узнала, но когда я упросил ее открыть дверей, то я, недождавши приглашения, и сам со злостью рванул двери и вошел, но сестра велела идти в левую половину, что я и попал на кухню тут на глазах мне встретилось 9 душ прислуги, кроме, как я узнал, француженки. Зайдя барыня в кухню, она приказала дать мне покушать, ибо я попросил и объяснил ей, “что пять суток я не ел”. Насытившись, я выпил стакан чаю, и в это время зашла племянница 6 классов гимназии и с презрением посмотрела и ушла, так же было со старшим племянником студентом, но младший племянник зашел и поздоровался, расспросил, имею ли я право жить в Юрьевском заводе и еще кое о чем, приподымаясь со стула, я попросил его послать маму, то приблизительно через час барыня соизволила явиться и спросила, точно как я помню сейчас эти слова, что Вам угодно, вы поели и напились, ступайте вон, тут же она обернулась и у меня сердце закипело и схватил стуло и разможил ей голову и удрал к заводу, где в открытую дверь забрался к рабочему заводу, в темноте он с испугу меня схватил и я его начал умолять, что я не вор, и объяснил все мое положение» (орфография подлинника) [2, л. 261].

Насилие начинает восприниматься как нормальное явление для революционера, каковыми они себя полагали.

Печальнее всего, что содеянное в дальнейшем становится предметом гордости. И. Филатов, конечно же, не случайно отмечал причастность к убийству в своей «авто-биографии революционера подпольника». Еще более показательно свидетельство Африна. Тут необходимо небольшое пояснение. В 1920 г. он именовал себя «организатором Зауральной стороны РКП(б) и командиром ЧК Уральской области». Во время известного повстанческого выступления Сапожкова последний разослал через доверенных людей письма своим знакомым командирам с призывом поддержать его выступление. ЧК оперативно отследила ситуацию, и все адресаты были арестованы. Приведенные выше слова Африна — не мемуары, а взяты из его заявления на имя Председателя ВЦИК М. И. Калинина, суть которого — доказать, что автор самый настоящий коммунист и потому обвинен в причастности к мятежу необоснованно.

С одной стороны, революционеры всех мастей внушали массам чувство дозволенности, права переступить через моральные устои и существующие правила. Но при всем при этом нарастало иное самостоятельное направление — уголовщина сама мимикрировала под революционную деятельность, активно используя «модную» социальную риторику. До определенных кругов доходит, что таковое прикрытие в глазах общества удобнее любого иного и что новая мораль вседозволенности привлекательна и перспективна. И в самом деле, достаточно вложения социального контекста в обычные уголовно наказуемые преступления — и за них можно и даже должно не наказывать. Примеров использования «революционной лексики» немало; отметим несколько «оренбургских». Уже упомянутый И. Филатов с целью освобождения из тюрьмы руководителей Спасского крестьянского союза «уговорил зажиточных крестьян и помещика Н. Циолковского (сочувствующий революционному движению в то время) поручиться за товарищей...

Циолковский на первую мою просьбу о поручительстве воздержался, но когда я объявил ему “террор”, если он не даст согласия через 24 часа, то он согласился» [31, л. 34].

В октябре 1906 г. кочкарскому купцу Н. Лукину было подброшено письмо от имени «социал-демократической партии» — требовали 300 рублей: «...лучше отдать, что у вас мы просим, чем поплатиться своей жизнью... у нас бомбы и пулеметы... а то будет сделан погром и убийство» [15, л. 139—139 об.]. В с. Залесово Оренбургского уезда в марте 1909 г. священнику подбросили записку, подписанную «Ревульцены»: «Выбирай себе любую смерть и скажи нам, нас много! Так мы и порешили убить, убить и убить! Тебя подлаго негодяя. Нас много, мы все на это готовы с радостью, мы сговорились» (орфография подлинника) [13, л. 86]. В апреле 1905 г. в Челябинске жандармы обнаружили группу анархистов-коммунистов порядка 30 человек. Детальное расследование показало, что это обычная шайка воров, умело применявших лозунги момента [16, л. 6—9].

И наконец, третье направление — собственные воззрения и представления крестьян, которые по историографической традиции принято полагать самыми верными, подлинно народными и демократическими. При этом вопрос законности крестьянских действий не ставился вообще — и понятно почему. Присутствовала подмена понятий: законные действия подразумевают уважение к законам; идеологический посыл объявлял трудящихся враждебными чуждому им государству («у пролетариата нет отечества»), законы не для трудящихся, а для защиты эксплуататорских классов; отсюда несоблюдение законов такого государства логично и может быть рассмотрено как вызов несправедливой власти. Иными словами, законы априори были несправедливы для крестьян, и потому их действия есть прежде всего попытка установить справедливые начала.

Если же подойти к вопросу без идеологической заданности, то очевидно, что если имеет место нарушение закона, то никакие идейные обоснования содеянного не изменят его оценки как прежде всего преступления. Среди установившихся в советский период форм крестьянского движения достаточно традиционно в отдельную статистическую графу выделяли порубки, потравы, покосы, поджоги. В то же время нужно отметить, что эти деяния очевидно являлись противозаконными. Интересно, что даже советские авторы не могли не замечать этого. Так, Ф. С. Горовой (1947) определял три категории порубок: 1) связанные с расчисткой земель под пашни; 2) на хозяйственные надобности; 3) для продажи на рынке [8, с. 147], оговариваясь, что все три вида часто переплетались [8, с. 153]. А. М. Анфимов допускал, что среди случаев поджогов «были и житейские», но «эта часть поджогов не могла быть большой, а во-вторых, она может рассматриваться как величина, претерпевающая равномерные изменения во времени» [26, с. 184]. Впрочем, далеко не все историки делали даже такие осторожные оговорки: например, Л. Т. Сенчакова утверждала, что в порубках якобы «находила свое яркое выражение ненависть крестьян к тяжелому социальному гнету» [30, с. 82].

Понимали ли сами крестьяне, что, совершая порубки и поджоги, они совершали преступления? Разумеется, можно возразить, что крестьяне в большинстве случаев полагали свои действия достаточно правомерными, обоснованными. Но при иных условиях, например порубке принадлежащего *им* леса, они и сами бы квалифицировали подобного рода действия соответствующим образом. Короткие и порой типовые строки в хрониках о случаях порубок не дают полной картины. Мы полагаем, что если углубиться в материал, обратиться непосредственно к источникам, то нам откроются достаточно нелицеприятные факты и моменты, не просто ставящие под сомнение, но исключаящие отнесение подобных деяний к формам социального протеста. Отметим лишь некоторые проявления.

В с. Николаевка Верхнеуральского уезда (1905 г.) порубщики отстреливались от лесников из ружей и револьверов [22, л. 1 об.]; тогда же в Мензелинском уезде порубщики угрожали лесникам убийством [29, с. 242—243]; крестьяне с. Спасского, задержанные при порубке, нанесли тяжкие побои и увечья служащему экономии [11, л. 2, 30]; в с. Покровка пристав, пытавшийся навести порядок, получил удар камнем, ветеринарный врач спасся бегством [27, с. 138]; при порубке в с. Мордвиновке лесным стражникам нанесены побои, отобрано оружие [10, л. 159]; в 1908 г. избиты служащие и лесники, пытавшиеся задержать порубщиков в Мензелинском уезде [25, с. 520].

И это далеко не полная картина. Крестьяне допускали насилие и в отношении «своих», односельчан, в чем-либо расходящихся с обществом: в декабре 1906 г. в Мензелинском уезде поп подбил часть общества на погром изб «крамольников» — в итоге 3 человека убито, 7 изувечено [1, с. 164]. В 1909 г. в Стерлитамакском уезде крестьяне угрожали поджогами и насилием однодеревенцам, переходящим на отруб и хутора [33, л. 9]. В 1913 г. крестьяне намеренно подожгли гумно купца Оглодкова в с. Васильевское Оренбургского уезда: «Толпа жителей деревни, до 100 чел., вооружившись вилами и кольями, запретила работникам гумна тушить пожар, избив троих из них» [23, л. 155 об.]. Имели место и убийства лесников: в августе 1908 г. в Орском уезде [12, л. 1], в 1909 г. — в Долгорубовском лесничестве лесник зарублен топором [17, л. 1]. Уместно указать, что в абсолютном большинстве указанных случаев виновные не были найдены, а значит, остались безнаказанными. Только в Узьянском сельском обществе Стерлитамакского уезда в период 1.5.1900—1.5.1901 лесной стражей составлено 118 протоколов о порубках. Вообще же с 1.1.1899 по 1901 г. там было заведено 260 дел о самовольных порубках, 200 — о самовольном сенокосении, 264 — о самовольных распахках и более 100 иных гражданских дел, впрочем ничем не завершившихся [14, л. 2 об. — 19].

Действительно, неоднократно и в разных местах крестьяне, согласно документам, объявляли причиной своих действий уверенность в том, что этот лес (земля, покосы) есть их собственность. Но справедливо ли полагать, что все указанные случаи были продиктованы стремлением обрести «законную» собственность? Полагаем, что нет. Отмечены поспешные массовые вырубki леса. Так, в 1897 г. только в Бурзяновской волости Орского уезда было вырублено более 50 тыс. бревен [9, л. 70]; в ноябре-декабре 1882 г. в д. Шаранбаш-Князева Белебеевского уезда было вырублено до 500 дес. лучшего сырорастущего леса [24, с. 247]. В 1905 г. в с. Николаевка Верхнеуральского уезда разом было вырублено более 5 тыс. деревьев [22, л. 1 об.]. Резонно поставить вопрос: зачем вырубki осуществлялись в таких масштабах? Ответ прост — лес поспешно распродался. В 1904 г. вскрылась массовая порубка в Каратабыно-Баратабынской лесной даче Троицкого уезда. Выяснилось, что крестьяне нанимали посторонних башкир рубить лес, затем на бревна накладывались поддельные клейма торгового дома «Бр. Кузнецовы» и они реализовывались далее. Организовавший аферу крестьянин с. Тургояк Троицкого уезда А. Копылов «говорил, что беспокоиться не нужно, так как он за все отвечает» [18, л. 72 об.]. В 1905 г. на Нижне-Авзяно-Петровском заводе было обнаружено до 4 тыс. бревен, подлежащих секвестру как незаконно вывезенные из Кагинского лесничества. Половина из-под секвестра была выкрадена и поспешно сплавлена [19, л. 21, 37]. В феврале 1906 г. было привлечено к ответственности Товарищество Никольского лесопильного завода М. А. Чистозвонова и Н. П. Савинокова и К^о за незаконную скупку 1100 бревен у башкир [20, л. 46].

Самое пугающее — что в сознании масс постепенно утверждается возможность совершения, по сути, любых насильственных действий. Самое печальное — это то, что в итоге в начавшейся революции 1917 г. неизбежно произошло сращивание уголовных и

идеалистических начал, где, естественно, верх взяли преступники, а никак не наивные идеалисты. Жестокость становится нормой; прежние кровавые деяния — предметом гордости и даже отличием. В сохранившихся в архивах неопубликованных мемуарах содержится немало тому примеров. Руководитель Крестьянского союза в с. Спасском в 1906 г. Блиничкин был сослан в Сибирь, а когда «вспыхнула февральская революция, товарищ Блиничкин приехал в село Спасское лишь потому, чтобы расправиться с бывшими его врагами, что и было сделано» (В. Юркин) [32, л. 7—7 об.]. Рабочий оренбургских Главных железнодорожных мастерских М. Григорьев рассказывал, что на митинге им был разоблачен шпион, записывавший выступающих: «...мы его решили предать рабочему суду, которого заслуживает... Но нас уговорили некоторые товарищи и сообщили, что они окружены казаками, и полицией, и жандармами, что нас могут всех зарубить. Тогда мы решили его передать одному проверенному товарищу — работнику депо Никифорову Тр. Сем. и отвести, куда следовало. По-большевистски (раньше мы говорили списать...), он его взял и увел по назначению» [21, л. 50].

Люди с приобретенным отрицательным опытом продолжали действовать так и далее. Уместно упомянуть, что во время империи совершившие убийство получали пожизненную каторгу и даже в случае освобождения от работ не имели права выехать за пределы населенного пункта. Логически предполагалось, что раз отнявший жизнь человека более не сможет нормально существовать в человеческом обществе.

Самые серьезные последствия всего отмеченного российское общество, широкие массы ощутили лишь потом, когда носители извращенной морали и искаженных ценностей получили широчайшие возможности для самореализации после падения государственных институтов в 1917-м и наступившего беззакония. Новые идеи и принципы не стали всеобщими; но как это всегда бывает, самые активные повели массы за собой, превращая свои воззрения как бы во всеобщие и единственно верные. Произошедшее, на наш взгляд, в какой-то степени объясняет жестокость воследовавшей гражданской войны.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Крестьянство в условиях модернизации и разрушения традиционных ценностей: социальные девиации конца XIX — начала XX века (региональный аспект)», проект № 15-01-0017.

Список использованных источников и литературы

1. Аграрное движение в России в 1905—1906 гг. Ч. 1. СПб. : ИВЭО, 1908. 402, xvi с.
2. Архив УФСБ по Оренбургской области. Д. 13893. Т. 11.
3. Алехина Н. М. Поджоги как форма социального протеста крестьянства Кирсановского и Тамбовского уездов в конце XIX — начале XX века [Электронный ресурс] // 60 лет Тамбовской области. 200 лет Тамбовской губернии : тез. к науч.-практ. конф. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Державина, 1997. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/article.php?id=st002>.
4. Вересова Е. А. Оскорбления должностных лиц как одна из форм сопротивления крестьянства власти в конце XIX — начале XX в. (по материалам Тверской губернии) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4, № 1. С. 82—89.
5. Вересова Е. А. Поджоги как одна из форм крестьянского протеста в конце XIX — начале XX века (по материалам Тверской губернии) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб., 2015. № 175. С. 79—85.
6. Вишнякова Д. В. Неповиновение крестьян представителям власти (на материалах Коми края, пореформенный период XIX в.) // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГА, мемориальная деятельность : материалы I Междунар. науч. конф. (Сыктывкар, 25—29 окт. 2011 г.). Сыктывкар, 2011. Ч. 2. С. 41—43.
7. Воробьев Е. П., Яценко Р. В. Поджоги как форма крестьянского движения в пореформенный период по материалам Саратовской губернии // Вестник архивиста. 2016. № 1. С. 177—187.

8. Горовой Ф. С. Самовольные порубки леса в Пермской губернии как форма борьбы крестьян против остатков крепостничества // Ученые записки Молотовского государственного педагогического института. Молотов, 1947. Т. 5, вып. 2. С. 147—158.
9. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 10. Оп. 2. Д. 108.
10. ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 375.
11. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 150.
12. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 349.
13. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 370.
14. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 558.
15. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 217.
16. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 304.
17. ГАОО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 39.
18. ГАОО. Ф. 126. Оп. 3. Д. 26.
19. ГАОО. Ф. 126. Оп. 3. Д. 28.
20. ГАОО. Ф. 126. Оп. 3. Д. 36.
21. ГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 168.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 1906. П д-во. Д. 700. Ч. 26.
23. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 168. 1913. Д. 56.
24. Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг. М. : Наука, 1960. 965 с.
25. Крестьянское движение в России (июнь 1907 г. — июль 1914 г.). М. : Наука, 1966. 677 с.
26. Революционная ситуация в России в середине XIX века : коллект. монография. М. : Наука, 1978. 439 с.
27. Революционное движение в России в августе 1917 г. М., 1959. 696 с.
28. Сафонов Д. А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855—1922. Хроника и историография. Оренбург : Оренб. губерния, 1999. 315 с.
29. Сборник документов и материалов о революционном движении 1905—1907 гг. в Башкирии. Уфа : Башкирское книжное издательство, 1956. 293 с.
30. Сенчакова Л. Т. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М. : Наука, 1989. 264 с.
31. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 7924. Оп. 1. Д. 43.
32. ЦДННАО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 58.
33. Центральный государственный архив общественных организаций Республики Башкортостан. Ф. 1832. Оп. 2. Д. 5.

Поступила в редакцию 13.11.2016

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный университет
Российская Федерация, 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13
E-mail: d_safonov@mail.ru

UDK 94(47)

D. A. Safonov

Under the guise of social protest: Violence and lawlessness “inside” the class struggle in Russia in late XIX — early XX century

The article attempts to explain the increase in social conflict violence and lawlessness, observed in Russia since the second half of the XIX century. The author expresses the opinion that at least three factors in the Russian society not only affected serious moral deformation, but also formed a certain stratum of people with different values and moral attitudes, which played a crucial role in the consequential revolution and civil war. The life conditions, radically changed after the revolution, the disintegration of the former state and its institutions created the conditions for the spread of ideas of violence as the only true path of development.

Key words: social protest, revolution, violence, crime, morality, distortion of traditional values.

Safonov Dmitry Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State University
Russian Federation, 460018, Orenburg, prospekt Pobedy, 13
E-mail: d_safonov@mail.ru

References

1. *Agrarnoe dvizhenie v Rossii v 1905—1906 gg. Ch. 1* [The agrarian movement in Russia in 1905—1906. Part 1]. St. Petersburg, IVEO Publ., 1908. 402, xvi p. (In Russian)
2. *Arkhiv UFSB po Orenburgskoi oblasti* [Archive of Federal Security Service of the Orenburg region]. D. 13893. Vol. 11.
3. Alekhina N. M. Podzhogi kak forma sotsial'nogo protesta krest'yanstva Kirsanovskogo i Tambovskogo uezdov v kontse XIX — nachale XX veka [Arson as a form of social protest of peasantry in Kirsanov and Tambov districts in late XIX — early XX century]. *60 let Tambovskoi oblasti. 200 let Tambovskoi gubernii : tez. k nauch.-prakt. konf.* [60 years of Tambov region. 200 years of Tambov province: abstracts of scientific and practical conf.]. Tambov, TGU im. Derzhavina Publ., 1997. Available at: <http://www.grad-kirsanov.ru/article.php?id=st002>. (In Russian)
4. Veresova E. A. Oskorbleniya dolzhnostnykh lits kak odna iz form soprotivleniya krest'yanstva vlasti v kontse XIX — nachale XX v. (po materialam Tverskoi gubernii) [Assault on officials as a form of peasantry resistance to the power in late XIX — early XX century. (On materials of the Tver province)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2015, vol. 4, no. 1, pp. 82—89. (In Russian)
5. Veresova E. A. Podzhogi kak odna iz form krest'yanskogo protesta v kontse XIX — nachale XX veka (po materialam Tverskoi gubernii) [Arson as a form of peasant protest in late XIX — early XX century (on materials of the Tver province)]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, 2015, no. 175, pp. 79—85. (In Russian)
6. Vishnyakova D. V. Nepovinoenie krest'yan predstaviteleyam vlasti (na materialakh Komi kraya, poreformennyi period XIX v.) [Disobedience of peasants to the authorities (on the materials of the Komi region, post-reform period of the XIX century)]. *Istoriya i perspektivy razvitiya severnykh regionov Rossii: rol' GULAGA, memorial'naya deyatel'nost' : materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (Syktyvkar, 25—29 okt. 2011 g.)* [History and perspectives of development of the northern regions of Russia: role of the Gulag, memorial activities: materials of I intern. scientific conf. (Syktyvkar, 25—29 October 2011)]. Syktyvkar, 2011. Part 2, pp. 41—43. (In Russian)
7. Vorob'ev E. P., Yashchenko R. V. Podzhogi kak forma krest'yanskogo dvizheniya v poreformennyi period po materialam Saratovskoi gubernii [Arson as a form of peasant movement in the post-reform period, based on the Saratov province]. *Vestnik arkhivista*, 2016, no. 1, pp. 177—187. (In Russian)
8. Gorovoi F. S. Samovol'nye porubki lesa v Permskoi gubernii kak forma bor'by krest'yan protiv ostatkov krepostnichestva [Unauthorised felling of forests in the Perm province as a form of struggle of peasants against the remnants of serfdom]. *Uchenye zapiski Molotovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 1947, vol. 5, is. 2, pp. 147—158. (In Russian)
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archive of the Orenburg region] (GAOO). F. 10. Op. 2. D. 108.
10. GAOO. F. 10. Op. 3. D. 375.
11. GAOO. F. 10. Op. 4. D. 150.
12. GAOO. F. 10. Op. 4. D. 349.
13. GAOO. F. 10. Op. 4. D. 370.
14. GAOO. F. 11. Op. 1. D. 558.
15. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 217.
16. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 304.
17. GAOO. F. 123. Op. 4. D. 39.
18. GAOO. F. 126. Op. 3. D. 26.
19. GAOO. F. 126. Op. 3. D. 28.
20. GAOO. F. 126. Op. 3. D. 36.
21. GAOO. F. 2900. Op. 1. D. 168.
22. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF). F. 102. 1906. II d-vo. D. 700. Part 26.
23. GARF. F. 102. Op. 168. 1913. D. 56.
24. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1881—1889 gg.* [Peasantry movement in Russia in 1881—1889]. Moscow, Nauka Publ., 1960. 965 p. (In Russian)

25. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii (iyun' 1907 g. — iyul' 1914 g.)* [Peasantry movement in Russia (June 1907 — July 1914)]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 677 p. (In Russian)
26. *Revolyutsionnaya situatsiya v Rossii v seredine XX veka* [The revolutionary situation in Russia in the mid-nineteenth century]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 439 p. (In Russian)
27. *Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v avguste 1917 g.* [The revolutionary movement in Russia in August 1917]. Moscow, 1959. 696 p. (In Russian)
28. Safonov D. A. *Krest'yanskoe dvizhenie na Yuzhnom Urale. 1855—1922. Khronika i istoriografiya* [Peasantry movement in southern Urals. 1855—1922. Chronicle and Historiography]. Orenburg, Orenb. guberniya Publ., 1999. 315 p. (In Russian)
29. *Sbornik dokumentov i materialov o revolyutsionnom dvizhenii 1905—1907 gg. v Bashkirii* [Collection of the revolutionary movement documents and materials of 1905—1907 in Bashkiria]. Ufa, Bashkniagoizdat Publ., 1956. 293 p. (In Russian)
30. Senchakova L. T. *Krest'yanskoe dvizhenie v revolyutsii 1905—1907 gg.* [Peasantry movement during the revolution of 1905—1907]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 264 p. (In Russian)
31. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Orenburgskoi oblasti* [Documentation Centre of modern history of the Orenburg region] (TsDNIOO). F. 7924. Op. 1. D. 43.
32. TsDNIOO. F. 7924. Op. 1. D. 58.
33. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv obshchestvennykh organizatsii Respubliki Bashkortostan* [Central State Archive of Public Organizations of the Republic of Bashkortostan]. F. 1832. Op. 2. D. 5.